

ЭЛИЗАБЕТ-АДЕЛАИДА ЖОНЕС-СПОНВИЛЬ, ГУВЕРНАНТКА И ПИСАТЕЛЬНИЦА

Приступая к изучению сообщества французских гувернеров в России, я предполагал, что главную сложность в этой работе составит труднодоступность источников: французы, нанимавшиеся учителями, были, как правило, «маленькими людьми», чьи личные архивы редко переживали владельцев, и если все же сохранялись, хотя бы во фрагментах, то исключительно в силу случайности¹. За прошедшие десять с лишним лет предположение превратилось в уверенность. И это заставляет меня сегодня еще больше ценить то удивительное стечение обстоятельств, благодаря которому сохранился и дошел до наших дней столь богатый и ценный, в частности для исследователей темы гувернерства, комплекс документов, как личный архив Жильбера Ромма (1750-1795), наставника юного графа П.А. Строганова, а затем – видного деятеля Французской революции.

Этот массив источников позволяет не только изучить педагогическую деятельность самого Ромма², но и проливает свет на судьбы некоторых из его менее известных коллег-гувернеров. Чем глубже я погружался в материал, тем чаще на ум приходила запавшая в память с детства реплика Бабы-Яги из пьесы Евгения Шварца «Два клена»: «Поймаешь одного человечка на крючок – сейчас же и другие следом потянутся. <...> Брат за братом, мать за сыном, друг за другом». Так получилось и у меня. Изучение корреспонденции Ромма позволило «вытянуть» на белый свет его друга и собрата по учительскому ремеслу Пьера-Иньяса Жонеса-Спонвиля (Jaunez-Sponville), который, приняв фамилию Жам (James), служил наставником сына графа А.К. Разумовского. На основе писем Жама была написана статья о нем³. А уже в ходе дальнейшего изучения его биографии в поле моего зрения один

* Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Чудинов А.В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: постановка проблемы // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С. 249.

² См.: Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010.

³ Чудинов А.В. Обычные и необыкновенные приключения французского гувернера в России XVIII в. // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5. М., 2003.

за другим оказались еще несколько ярких представителей сообщества французских губернаторов в России, в частности вышедшая за него замуж Элизабет-Аделаида Матис: в 1780-е гг. она служила в Москве гувернанткой, а 1820-е гг. стала во Франции детской писательницей.

Литературные увлечения бывших губернаторов – не новость. О некоторых таких случаях речь, в частности, идет и в ряде статей данного выпуска «Французского ежегодника». Однако никто из бывших наставников детей русской аристократии XVIII в. или, по крайней мере, никто из наиболее известных среди них, таких, к примеру, как Ш. Массон, Н.Г. Леклерк или Н. Форnero – не писал художественных произведений, предпочитая им публицистические или исторические работы. Что же касается Элизабет-Аделаиды Жонес-Спонвиль, то она, в отличие от других литераторов-губернаторов, выпустила в 1824 г. именно художественное произведение – сборник рассказов для детей «В часы материнского досуга»⁴. В силу одного только этого обстоятельства ее случай выглядит уникальным для своей среды, не говоря уже о том, что женщина-писательница вообще была тогда явлением достаточно редким. Столь любопытный исторический персонаж, несомненно, заслуживает самого внимательного рассмотрения.

В изучении биографии Э.-А. Жонес-Спонвиль нам придется ступать по целине: каких-либо других исследований о ней мне найти не удалось. Похоже, ее творчество не вызвало большого интереса ни у современников, ни у литературоведов: получив на руки в Национальной библиотеке Франции единственный имеющийся там экземпляр книги мадам Жонес-Спонвиль, я с удивлением обнаружил, что его страницы не разрезаны; за без малого двести лет я стал первым его читателем. Нет в нашем распоряжении и каких-либо документов личного происхождения, оставленных Элизабет-Аделаидой, а потому прочертить линию ее жизни и жизни ее семьи мы сможем только пунктиром собирая по крохам сведения об этой женщине в переписке ее супруга, анализируя автобиографические фрагменты ее книги и ряд других опубликованных источников.

Происхождение

В брачном контракте Элизабет-Аделаиды Матис (Mathis), зарегистрированном 10 ноября 1784 г. вице-консулом Франции в Москве, сообщается, что она дочь Базиля-Бенуа Матиса, работавшего

⁴ *Jaunez-Sponville A.* Les Délassemens d'une mere pour l'instructions de ses petits enfans, ou recueil de nouveaux contes à la portée de l'enfance. P., 1824.

скульптором у покойного польского короля, и Мари-Жанны Гибаль⁵. Весной 1784 г. Аделаиде, по словам Жама, было 22 года⁶, из чего можно заключить, что родилась она примерно в 1762 г.

Некоторые сведения о родственниках нашей героини содержатся в очерке, написанном ее двоюродным братом, бывшим мировым судьей в Нанси, Шарлем-Франсуа Гибалем об их общем деде – знаменитом в свое время лотарингском скульпторе Дьедоне-Бартелеми Гибале⁷. Последний родился в Ниме 3 февраля 1699 г. Выучившись на художника, скульптора и архитектора, он, по-видимому, достаточно быстро снискал себе хорошую профессиональную репутацию, поскольку был приглашен на службу ко двору лотарингского герцога Леопольда I. Когда это произошло, мы, к сожалению, не знаем. В очерке указан 1756 г., что является несомненной опечаткой, поскольку Леопольд скончался в 1729 г. Между тем, такое приглашение имело место за некоторое время до смерти герцога, поскольку еще при его жизни Д.-Б. Гибаль успел создать скульптурную композицию для парка в Люневиле⁸. Добрая память о герцоге Леопольде, по-видимому, запечатлелась в устной традиции семьи нашей героини, поскольку она потом сделает его главным действующим лицом двух рассказов, изобразив мудрым и справедливым правителем, горячо любимым своими подданными.

После смерти Леопольда и недолгого правления его сына, Франца III, Лотарингия по итогам войны за Польское наследство перешла в 1737 г. к тестю французского монарха Станиславу Лещинскому, формально носившему титул польского короля, и скульптор Гибаль продолжил службу уже при его дворе. За свою жизнь Гибаль был дважды женат. От первого брака он имел сына Николая, который, получив художественное образование в Париже и Риме, занял пост первого живописца при дворе великого герцога Вюртембергского в Штутгарте.

Во втором браке скульптор Гибаль имел много детей, из которых выжили два мальчика и четыре девочки. Старшую дочь Мари-Жанну, он выдал замуж «за своего лучшего ученика» Базиля-Бенуа Матиса – они-то и стали родителями нашей героини. О том, насколько Матис был близок Гибалю, свидетельствует и то, что последний пригласил его 15 июля 1755 г. помогать в отливке статуи Людовика XV

⁵ Les Français en Russie au siècle des Lumières/ Sous dir. de A. Mézin et V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. T. 2. P. 586.

⁶ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 4 апреля 1784 г. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 274. Л. 36об.

⁷ Guibal Ch.-F. Extrait des “Mémoires de l’Académie de Stanislas”. Notice biographique sur Guibal, sculpteur. Nancy, 1861.

⁸ Ibid. P. 2.

для площади Станислава в Нанси – произведения, которое скульптор считал важнейшим в своей жизни. За время отливки Матис полностью поседел, как он объяснял потом, от волнения за результат. Он же стал преемником Д.-Б. Гибалья на его должности, после того, как тот 5 апреля 1757 г. ушел в мир иной. Следующий пассаж очерка содержит важные сведения об этой семье, а потому приведу его целиком:

Матис принял на себя руководство мастерской, но плохо вел дела, и жена покинула его, чтобы обосноваться в Москве, где ей предоставили престижное место [1].

[1]. Она увезла с собой трех дочерей, которых позднее выдала там за трех лотарингцев. Она вызвала туда также брата и трех сестер, из которых одна вышла замуж за генерала Пере (Perret), а вторая стала придворной дамой императрицы Екатерины II. В Люневиле с матерью остался только младший брат – мой отец, который затем выучился на нотариуса и умер в 1818 г., занимая этот пост⁹.

Сведения автора очерка о семействе Гибаль-Матис в значительной степени подтверждаются данными словаря «Французы в России века Просвещения», но с одним важным уточнением: судя по всему, это не М.-Ж. Матис вызвала в Россию сестер и брата, а они сами, приехав туда гораздо раньше, пригласили ее в эту страну.

Брат, Дьедоне-Бартелеми Гибаль (1745-1823), еще в конце 1760-х гг. обосновался в Санкт-Петербурге, занявшись книготорговлей. Позднее он поступил на русскую государственную службу и поднялся до высокого пятого ранга, получив чин государственного советника. Присутствие его сестры Элизабет (1737-1817) в Петербурге впервые фиксируется документами в 1776 г. В дальнейшем она вернулась во Францию, вышла замуж за бригадира королевской жандармерии Фейнья и вновь эмигрировала в Россию во время Революции. Это она стала придворной дамой императрицы после того, как ее муж получил должность шталмейстера. Еще одна сестра, Мари-Катрин (р. 1738), отмечена в Петербурге в 1770 г. Тогда же фиксируется пребывание в столице России и самой младшей из сестер Гибаль, Мари-Элизабет (1748-1817), которая в 1770 г. вышла там замуж за архитектора и инженера-гидравлика Карбонье. Поработав в 1774-1775 г. гувернанткой, она в 1778 г. разошлась с супругом и позднее вышла замуж за швейцарца, генерала Пере или Перрета (как его называли в России), будущего адъютанта Павла I¹⁰. Таким образом, дядя и три тети нашей героини жили в России достаточно долго. Не удивительно, что, сообщая Ж. Ромму в 1784 г. о своем знакомстве с мадемуазель Матис, Жам поясняет: она

⁹ *Guibal Ch.-F.* Op. cit. P. 9

¹⁰ *Les Français en Russie.* Т. 2. P. 397-398.

«племянница демуазелей Гибаль»¹¹. Вероятно, к тому времени тетки Элизабет-Аделаиды обладали уже значительной известностью и пользовались доброй репутацией во французской колонии Петербурга.

А вот их старшая сестра Мари-Жанна, вышедшая за скульптора Матиса 10 октября 1758 г. (не при жизни отца, как утверждаете в очерке Ш.-Ф. Гибалья, а уже после его смерти), появилась в России только в 1780-е гг., то есть значительно позже брата и сестер. В остальном же автор очерка точен: все три ее дочери вышли в России замуж за лотарингцев: Элизабет-Аделаида – за Жонес-Спонвиля, уроженца Меца; Катрин-Мари (р. 1767) – за Анри Вейера из Тионвиля; Тереза (р. 1768) – за Мишеля Кентен де Румариса, уроженца Эстроффа¹².

Гувернантка

Главный источник наших сведений о пребывании Элизабет-Аделаиды в России – корреспонденция ее жениха Пьера-Иньяса Жонес-Спонвиля, известного в этой стране как Жам. Сообщая Ж. Ромму в письме от 4 апреля 1784 г. о знакомстве и предстоящем браке с мадемуазель Матис, Жам так характеризует свою избранницу:

Я увлечен м-ль Матис, племянницей демуазелей Гибаль. Это – юная особа 22 лет, обладающая прекрасным характером и доброй душой. Вы можете с сомнением отнестись к моим похвалам, но ее должны знать и в Петербурге. Все единогласно отзываются о ней самым лучшим образом. Она обладает настолько привлекательными качествами, что просто невозможно ею не увлечься. Я люблю ее и ею любим. Этот брак одобряет моя семья, он желателен во всех отношениях. Почему бы мне его не заключить?¹³

Намерение Жама вступить в брак вызвало неудовольствие его работодателя графа Разумовского и привело к затяжному конфликту между ними¹⁴. Поскольку в этом конфликте Ромм оказался не на стороне Жама, тот в последующих письмах к нему вновь и вновь описывает достоинства своей невесты, объясняя свой выбор:

<...> Я внимательно изучал ее всякий раз, когда ее видел, когда ей писал и когда получал от нее ответы; и чем больше я с ней сближался, мой дорогой друг, тем больше убеждался в том, что она женщина редкая, достойная уважения и, возможно, даже уникальная для этой страны <...> Мой будущий брак наделал много шума в Москве, <...> мне бесконечно надоедают всё новыми комплиментами, но меня в этом, по крайней мере, радует, что все единогласно хвалят мою избранницу – ни одного голоса против нее, и это в стране, где любят злословить. Ее хоро-

¹¹ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 4 апреля 1784 г. Л. 36об.

¹² Les Français en Russie. Т. 2. P. 586, 688, 834.

¹³ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 4 апреля 1784 г. Л. 36об.

¹⁴ См. подробнее: Чудинов А.В. Обычные и необыкновенные приключения. С. 469-470.

шо знают в Петербурге, где она жила у тети, а затем – в течение двух лет квартировала у г-на Головцына¹⁵. Вы могли слышать о ней, и я уверен, что Вы слышали о ней только хорошее¹⁶.

<...> Чем лучше я узнаю эту очаровательную особу, тем более интересной я ее нахожу; это не только чувственная любовница, но и нежная супруга, разумная подруга – она имеет все те качества, которые я бы только хотел видеть в женщине. Наряду с искренностью и скромностью она обладает здравым смыслом; ее характер – результат хорошего образования, коим она обязана тете и собственным усилиям; теплые дружеские чувства, коими проникнуты отношения между тетей и племянницей, говорят в пользу обеих¹⁷.

<...> У меня будет нежная, добродетельная, любящая, чувственная, разумная жена; Вас восхитит ее характер, когда Вы однажды с нею познакомитесь, и тогда Вы полюбите ее. Не опасайтесь, что я обманываюсь из-за любви: если бы я и совершил ошибку, то не пожалел бы о том, что был счастлив какое-то время – я не рассчитываю на многое в оставшейся мне жизни. Но я совершенно спокоен, я доверяю ей, как себе, и считаю ее столь же неспособной к притворству, как себя к дурным поступкам. Ее качества притягивают меня к ней даже больше, чем моя любовь; я нашел себе не сладострастную любовницу, а нежную и надежную подругу¹⁸.

Из сбивчивых и восторженных тирад жениха, мы можем, тем не менее, узнать некоторые биографические сведения о предмете его страсти. После приезда в Россию м-ль Матис некоторое время провела в Петербурге, где воспитывалась своей тетей, мадемуазель Гибаль¹⁹, затем переехала в Москву. Причиной переезда стало, вероятно, приглашение на выгодное место: в одном из писем Жам упоминает, что его будущая жена служит гувернанткой дочери княгини Шаховской²⁰. Но, судя по тому, что в брачном договоре м-ль Матис в качестве ее места проживания указан дом г-жи Апраксиной на Никитской улице²¹, не исключено, что первое время в Москве она работала у Апраксиных и лишь потом нанялась к Шаховским. Перемена места работы в таких случаях не всегда влекла за собой смену квартиры.

Непосредственно о педагогической деятельности будущей пи-

¹⁵ Головцын – владелец дома на Литейной стороне в Петербурге. См., например: Санкт-Петербургские ведомости. 1768. 30 мая.

¹⁶ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 17 апреля 1784 г. – ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 274. Л. 39об.

¹⁷ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 2 мая 1784 г. – Там же. Л. 41об.

¹⁸ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 27 мая 1784 г. – Там же. Л. 43.

¹⁹ Речь идет, очевидно, о старшей из теток нашей героини – Элизабет Гибаль, поскольку та из них, что воспитывала нашу героиню, собиралась в 1785 г. вернуться с ней во Францию (См.: П.И. Жам – Ж. Ромму, 17 марта 1785 г. – Там же. Л. 46об.), а из всех трех такую поездку в 1780-е гг. предприняла только Элизабет. – См.: Les Français en Russie. Т. 2. P. 398.

²⁰ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 2 мая 1784 г. – Там же. Л. 41об.

²¹ См.: Les Français en Russie. Т. 2. P. 586.

сательницы наши источники, к сожалению, молчат. О том, чему она учила свою воспитанницу, мы может только догадываться, исходя из общемировоззренческих ценностей нашей героини, нашедших отражение в ее книге. К этому сюжету мы вернемся ниже, а пока лишь отмечу, что тема гувернерства получила отражение в одном из рассказов Элизабет-Аделаиды. Привожу его целиком.

Братские чувства

Даже самые законные чувства и привязанности должны подчиняться разуму. Надо использовать, дети мои, периоды счастья для укрепления своей души, дабы суметь мужественно перенести невгоды, которые вам, быть может, придется в дальнейшем испытать. Доказательством тому служит следующая история.

Отпрыски одного из наиболее видных боярских²² родов Сергей и Наталья росли вместе. Первая улыбка Натальи поутру предназначалась Сергею, а его имя было последним, что она произносила засыпая. Сны становились продолжением их игр.

И вот эти милые дети достигли возраста, когда Сергею предстояло получить образование, необходимое, дабы занять посты, на которые он имел право в силу своего общественного положения. До того он никогда не разлучался с сестрой, а теперь должен был учиться в Дрезденском университете. Князь, его отец, подобрал ему в провожатые надежного человека благородного происхождения (*gentilhomme*). Свиту Сергея составляли камердинер и верный слуга. Дворянину Озолинскому были вручены необходимые бумаги: рекомендательные письма к лучшим семействам и аккредитив к банкиру.

Прощание Натальи и Сергея получилось душераздирающим: они никак не могли оторваться друг от друга. Сначала разнообразие впечатлений развеяло было печаль Сергея, но не надолго. Его веселость уступила место мрачной меланхолии. Он прилежно посещал занятия в университете, но имя Натальи непрестанно слетало с его уст, и за этим дорогим для него именем следовал глубокий вздох. Письма от сестры не только не рассеивали, но, похоже, только усугубляли его печаль. Он оказывал надлежащее почтение Озолинскому как другу своего отца, но не испытывал к нему такого безграничного доверия, которое тот заслужил своими заботами и участием. Озолинский был встревожен состоянием ученика и сообщил о том князю, получив от него следующий ответ:

«То, что Вы, дорогой мой Озолинский, написали мне о состоянии Сергея, встревожило меня тем более, что и Наталья испытывает непреходящую тоску: она бледна, ее прекрасные губы побелели. Заверьте Сергея в том, что как только погода улучшится, я привезу к нему сестру.

О, друг мой! Состояние этих милых детей разрывает мне сердце. Утешьте, обнадежьте Сергея скорым воссоединением с сестрой. Врач уверяет меня, что это единственное средство от его недуга».

²² Бояре – русские аристократы. *Прим. Э.-А. Жонес-Спонвиль.*

Слуга, отправленный курьером, ехал так быстро, как только возможно в это, уже весьма неблагоприятное время года. Прибыв к молодому хозяину, он вручил ему послания. Сергей, не покидавший постели уже несколько дней, прочел письма, прижал их к сердцу, испустил глубокий вздох, обратил угасающий взор к Озолинскому, пожал ему руку и навсегда смежил прекрасные очи.

С печальной вестью посланник отправился обратно. Трепетная Наталья тем временем зачала от тоски. Она умерла два дня спустя после брата. Озолинский вернулся в Москву с телом Сергея. Милые дети, погибшие в разлуке от печали, воссоединились в могиле. Их безутешная мать тоже вскоре скончалась. Отец же имел несчастье пережить тех, кто был ему столь дорог. Он оставил двор и уехал в поместье, где вместе с ним прервался и его род. Так угасла мечта о славе и счастье²³.

Заметив, что автор рассказа использовал распространенное во французской литературной «россике» XVIII-XIX вв., но в самой России к тому времени давно уже не употреблявшееся, понятие «бояре», мы сегодня вполне можем задаться вопросом, а не является ли это морализаторско-сентиментальное сочинение, выдержанное в утрированно мелодраматическом тоне, чистой воды литературным вымыслом, не имеющим ни малейшей связи с реальностью? Но словно для того, чтобы развеять подобные сомнения, писательница завершает рассказ примечанием: «Г-н Лоран, французский врач в Москве, был приглашен лечить Наталью. От него-то я и узнала эту историю»²⁴. Речь идет о вполне реальной личности – Бернаре Лоране, враче графа А.К.Разумовского и большом друге Жама. Настолько большим, что тот пригласил его свидетелем на свою свадьбу с мадемуазель Матис²⁵. Однако в чем был смысл тридцать лет спустя упоминать об этом персонаже в книге для юных французских читателей, которые о нем и слыхом не слыхивали да и в России не бывали? Думаю, такое уточнение было важно не столько для них, сколько для самого автора. Хотя книга и носит откровенно беллетристический характер, в ней то и дело встречаются отсылки, не менее конкретные, чем вышеприведенная, к событиям биографии писательницы: она как бы постоянно расставляет для себя вешки, обозначающие границы исторических реалий, за которые ее литературное воображение выходить не должно. Благодаря этой подчеркнутой «приземленности» авторского изложения, текст книги представляет несомненный интерес для историка, стремящегося реконструировать бытовой контекст той эпохи. В частности, приведенный только что рассказ любопытен для нас не столько своим мелодра-

²³ *Jaunez-Sponville A.* Op. cit. P. 144–148.

²⁴ *Ibid.* P. 148 note 1.

²⁵ *См.:* *Les Français en Russie.* T. 2. P. 480.

матическим сюжетом, сколько содержащимися в нем подробностями организации образовательной поездки за границу юного аристократа в сопровождении гувернера. Обратим внимание на особую роль гувернера и на то подчеркнутое уважение, с которым к нему обращается его наематель – отец Сергея. И дело тут не только в дворянском достоинстве Озолинского, ведь в социальной иерархии Российской империи князь все равно стоял несравнимо выше этого, очевидно, небогатого польского дворянина. Скорее наоборот, должность наставника юного аристократа в заграничном путешествии была сама по себе настолько ответственной и почетной, что занять ее мог позволить себе даже дворянин, испытывавший определенные материальные затруднения. То, что мы знаем об отношениях между гувернерами, пусть даже не дворянского звания, и их работодателями из числа крупных аристократов²⁶, в полной мере соответствует модели, представленной в рассказе нашей героини.

Продолжим, однако, нашу попытку проследить историю ее жизни. Как уже выше отмечалось, 10 ноября 1784 г. в Москве мадемуазель Матис вышла замуж за Жама и стала мадам Жонес-Спонвиль, приняв его официальную фамилию. С собой она принесла мужу солидное приданое в 6000 ливров или 1500 рублей (1000 руб. наличными и 500 с последующей выплатой) плюс 500 руб. в движимом имуществе²⁷. Для сравнения замечу, что годовое жалование Жама у графа Разумовского составляло 500 рублей²⁸. Свидетелями на свадьбе были вышеупомянутый доктор Б. Лоран и еще один друг Жама, итальянский дворянин Аурелио Драго (Drago).

Отъезд из России четы Жонес-Спонвилей пришлось отложить, так как Пьер-Иньяс всю зиму тяжело болел и сумел выжить только благодаря заботам молодой жены и друзей – Лорана, Драго и Н. Бёнье (Bugnet), еще одного выходца из Лотарингии, ранее тоже работавшего в России гувернером²⁹. Рассказывая об этом, Жам в своем последнем (по крайней мере, из сохранившихся) письме Ромму также сообщил, что они с Бёнье и Драго решили не расставаться и после возвращения во Францию. Сложив свои сбережения (в сумме 32 тыс. ливров), они решили приобрести участок земли в Нижнем Лангедоке, дабы совместно заниматься сельским хозяйством и торговать плодами своего труда. Всего их маленькая колония должна была состоять из десяти человек: Драго, Бёнье с женой и тремя детьми, Жама с супругой и ребенком,

²⁶ Например, об отношении к гувернерам в семьях Строгановых и Голицыных см.: Ржеуцкий В.С., Чудинов А.В. Русские «участники» Французской революции // ФЕ 2010.

²⁷ См.: Les Français en Russie. Т. 2. Р. 586.

²⁸ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, май 1782 г. – ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 274. Л. 19.

²⁹ П.И. Жам (Жонес-Спонвиль) – Ж. Ромму, 17 марта 1785 г. – Там же. Л. 46-47.

рождения которого они ждали в ближайшем будущем, и мадемуазель Гибаль, тети нашей героини³⁰. Весной 1785 г. Элизабет-Аделаида, уже находившаяся на сносях, и ее муж покинули Россию, о чем, согласно принятому в то время порядку, было трижды сообщено в газете «Московские ведомости» (23, 26 и 30 апреля) в разделе «Отъезжающие».

Возвращение на родину

После приезда во Францию линия жизни нашей героини, которую мы и до того могли обозначить лишь пунктиром, становится совсем прерывистой. Тем не менее, для последующих за возвращением из России двадцати лет – вплоть до скоропостижной смерти Пьера-Игнаса в марте 1805 г.³¹ – некоторая информация об их семье у нас все же имеется. Поскольку П.И. Жонес-Спонвиль и Н. Бёнье оставили след в истории общественной мысли как авторы хоть и малоизвестной, но, тем не менее, первой в XIX в. коммунистической утопии³², ряд историков пытался, и порой не без успеха, найти о них какие-либо сведения. Мы же попытаемся свести воедино найденное ими.

Вернувшись во Францию, Жонес-Спонвили, по неизвестной нам причине, отказались от своего прежнего плана и в Лангедок не поехали, а поселились в Париже. Много десятилетий спустя, в 1880 г., их старшая дочь Мари-Катрин рассказывала историку Шарлю Реду, первому биографу ее отца, о том, что жили они на улице Нёв-Сен-Поль³³. Как мы видели, из России Жонес-Спонвили уезжали, обладая определенным капиталом, и глава семьи нашел деньгам достойное применение, занявшись предпринимательством. Лотарингский историк Ж. Паризе, тоже интересовавшийся биографией Пьера-Иньяса, предположил, что тот занимался строительством и финансовыми операциями, хотя и не указал на чем это предположение основано³⁴. Как бы то ни было, дела бывшего гувернера шли в гору. Согласно позднему свидетельству его внука, Анатоля Жонес-Спонвиля, его дед имел столь высокий авторитет в деловых кругах, что во время Французской революции как-то раз даже рассматривался вопрос о назначении его министром финансов. Однако на дворе стоял 93-й год, политическая

³⁰ Там же. Л. 46об.

³¹ О времени смерти Жама сообщает Н. Бёнье в автобиографической записке – См.: *Rash C. de. [Read Ch.] Notice Préliminaire // Le Ruvarebohni (Le Vrai Bonheur)*. P., 1881. P. XVIII.

³² *La philosophie du Ruvarebohni, pays dont la découverte semble d'un grand intérêt pour l'homme, ou Récit dialogué des moyens par lesquels les Ruvareheuxis, habitans de ce pays, ont été conduits au vrai et solide bonheur, par feu P. J. J.-S*** [Jaunez-Sponville] et Nicolas Bugnet*. P., 1809. 2 vol.

³³ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit.* P. XII.

³⁴ *Pariset G. Etudes d'histoire révolutionnaire et contemporaine*. P., 1929. P. 243.

ситуация менялась стремительно, и, вместо министерства, супруг нашей героини угодил в тюрьму, к счастью, ненадолго³⁵.

Свободное от деловых забот время Жонес-Спонвиль проводил в беседах с Бёнье о путях, коими можно привести человечество ко всеобщему счастью. Эти беседы позднее и выльются в вышеупомянутую коммунистическую утопию, до выхода в свет которой Жонес-Спонвилю дожить, правда, не довелось³⁶. Впрочем, мечты о счастье всего человечества не мешали ему нести благо и ближним своим. В рассказе «Благотворительность» Элизабет-Аделаида описывает предпринимателя-филантропа Эльясена, прототипом которого, судя по заключительному пассажи, личностному и эмоциональному, был ее муж:

<...> На всю свою жизнь он сохранил ту доброту, что проявил еще в детстве. Возглавив крупное предприятие, он был отцом своим рабочим: если кто-то из них получал травму, он лечил его за свой счет; заболевшая женщина получала жалование за пятнадцать дней. Эта щедрая благотворительность часто спасала семьи от нищеты и отчаяния. Когда он находился среди своих рабочих, те смотрели на него с восхищением.

В течение двадцати лет он приносил счастье окружающим его людям. Обожаемый и оплакиваемый ими, он ушел из жизни в расцвете сил. Начиная с детского возраста, доброта его сердца увеличивалась; он непрестанно совершал благие дела, не ожидая воздаяния. Его гроб сопровождали рыдания бедняков, а его вдова и сирота возносили за него молитвы Господу.

* * *

Зачем, о мой возлюбленный, скрывать под чужим именем добродетели, пример которых ты подал своей семье? Двадцать лет счастья дают твоей вдове право дорожить воспоминаниями о тебе. Твои добродетели – наследственное достояние твоих детей, которые чтят фамилию, что ты им оставил³⁷.

Книга мадам Жонес-Спонвиль создавалась, как будет ниже показано, по крайней мере, в два этапа. Текст, написанный на первом этапе, автор в дальнейшем не меняла. Поэтому не исключено, что сначала был создан основной текст рассказа, где герой носит вымышленное имя, и лишь в дальнейшем добавлен последний, автобиографический пассаж, раскрывающий, о ком на самом деле идет речь.

Дети

За двадцать лет супружества у четы Жонес-Спонвилей родилось не менее восьми детей. Во всяком случае, их сын Октав, отец ра-

³⁵ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X.* Об его аресте см. также: *Иоаннисян А.Р.* К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981. С. 12–13.

³⁶ Подробнее см. записку Н. Бёнье: *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. XVI-XX.*

³⁷ *Jaumez-Sponville A. Op. cit. P. 67-68.*

нее упоминавшегося Анатоля Жонес-Спонвиля, был, по свидетельству того, восьмым ребенком в семье³⁸, из-за чего, очевидно, и получил свое имя (по-латински *octave* – восьмой). Не исключено, однако, что и он был не последним. В качестве сюжетов некоторых из рассказов Элизабет-Аделаида брала случаи из жизни своих детей, которые упоминались в книге под собственными именами. Героиня рассказа «Маленькая кривляка»³⁹ носит имя Нефина, таким же образом произведенное от числительного (французское *neuf* – девять), как имена известных нам детей Жонес-Спонвилей – девочки Секстиль (от латинского *sextilis* – шестая) и мальчика Октава. Не была ли Нефина девятой в их семье? Впрочем, это лишь предположение. Даже о первых восьми детях нашей героини мы знаем не слишком много.

Больше других известно об их старшей дочери Мари-Катрин или Мирии (*Miria*). Согласно свидетельству Анатоля Жонес-Спонвиля, ей в 1808 г. было 23 года⁴⁰. Следовательно, родилась она в 1785 г., то есть была тем самым ребенком, которого Элизабет-Аделаида вынашивала, уезжая из России. Возможно, именно маленькая Мари-Катрин стала под уменьшительным именем «Катинет» героиней рассказа своей матери «Пирожное»⁴¹. В 1801 г. Мари-Катрин вышла в Париже замуж за инспектора казначейства Бернара Эспера (*Espert*), умершего в 1828 г. Сама она надолго пережила супруга: в 1880 г., когда Ш. Ред в поисках сведений об ее отце встретился с Мари-Катрин, той исполнилось 95, но, по словам историка, и в столь почтенном возрасте она обладала светлым умом и прекрасной памятью. От нее Ред и получил большую часть введенных им в научный оборот сведений о П.-И. Жонес-Спонвиле и Н. Бёнье, а также тот экземпляр их утопии, с которого сделал переиздание 1881 г.⁴² Дата смерти Мари-Катрин нам неизвестна.

Сведения о Маргерит Секстиль, очевидно, шестом ребенке Жонес-Спонвилей, мне удалось найти, благодаря распространившейся в последнее время среди жителей Западной Европы моде на составление родословных. Ее биографические данные приводятся на ряде генеалогических Интернет-сайтов, причем, на всех полностью совпадают⁴³. Родилась она 25 февраля 1794 г. в Париже. 13 марта 1816 г. вышла в Меце замуж за уроженца этого города Амбруаза Феликса Вильруа

³⁸ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X.*

³⁹ *Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 6–7.*

⁴⁰ *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X–XI.*

⁴¹ *Jaunez-Sponville A. Op. cit. P. 8–10.*

⁴² *Rash C. de. [Read Ch.] Op. cit. P. X–XIV.*

⁴³ См., например: http://mohr-rautenstrauch.de/Mohr-Rautenstrauch_12-2008/ab1898.htm; <http://genealogie.dalbiez.free.fr/Genealogie%20Dalbiez/f0501.htm>; <http://www.royalblood.co.uk/D1361/11361562.html>

(1792–1881), племянника и адъютанта известного французского генерала Бальтюса. Вильруа владел поместьем Риттерсхоф в Германии и в дальнейшем приобрел определенную известность трудами по сельскому хозяйству. Скончалась Маргерит Секстиль в Риттерсхофе 18 октября 1880 г. Из ее детей выжило трое, в том числе дочь Евгения (1820–1901), для которой ее бабушка Элизабет-Аделаида и решила написать свою книгу, как следует из вступления ко второй части.

Восьмым из детей Жонес-Спонвилей и вторым (после Мари-Катрин) известным историку Ш. Реду был уже упоминавшийся Октав. Поскольку в зрелом возрасте он стал кавалером Ордена Почетного легиона, краткие биографические сведения о нем представлены на Интернет-сайте *Leonore* Министерства культуры Франции⁴⁴. Там мы можем узнать, что Октав Жонес-Спонвиль родился 10 февраля 1800 г. В рассказе «Первый урок письма» наша героиня описывает, как шестилетний Октав пытался помогать матери, «которая незадолго до того стала вдовой и которую преждевременная смерть супруга вынудила заниматься не слишком прибыльной коммерцией»⁴⁵. В школьные же годы он проявлял незаурядные способности к наукам:

Этот милый ребенок, чтобы порадовать свою мать, был послушным и прилежным; его любили учителя и товарищи, которые ничуть не завидовали его успехам. А несколько лет спустя его мать имела счастье видеть, как он за один раз был удостоен шести премий своего лица⁴⁶.

Можно предположить, что здесь мы имеем дело с обычным для матери преувеличением достоинств собственного чада, тем более в рассказе, написанном в назидание внукам. Однако то немногое, что нам известно об этом персонаже, подтверждает наличие у него несомненных талантов. Будучи секретарем князя Сан-Дonato – постоянно проживавшего за границей русского промышленника Анатолия Николаевича Демидова (1812–1870)⁴⁷, О. Жонес-Спонвиль в 1870 г. издал переписку своего патрона относительно судьбы военнопленных периода Крымской войны, а в 1873 г. капитальную «Историю итальянской революции»⁴⁸. Согласно опубликованной на сайте *Leonore* информации, 10 февраля 1868 г. О. Жонес-Спонвиль стал кавалером Ордена Почетного легиона, а 28 ноября того же года получил русский орден

⁴⁴ http://www.culture.gouv.fr/Wave/savimage/leonore/LH092/PG/FRDAFAN83_OL1358012v001.htm

⁴⁵ *Jaunez-Sponville A.* Op. cit. P. 4.

⁴⁶ *Ibid.* P. 5.

⁴⁷ См.: *Данилова О.С.* Французы на Урале: по воле случая или по долгу службы. Исторические хроники // «Французский след» на Урале. Екатеринбург, 2010. С. 184.

⁴⁸ *Les Prisonniers de guerre des puissances belligérantes pendant la campagne de Crimée, extraits de la correspondance du prince Anatole Démidoff / Publiés par Octave Jaunez-Sponville.* P., 1870; *Jaunez-Sponville O.* Histoire de la révolution italienne. P., 1873.

Св. Владимира 4-й степени. За что нам еще предстоит выяснить. Умер Октав 10 января 1875 г. Его сын, уже не раз упоминавшийся нами Анатоль Жонес-Спонвиль или, как его называли на русский манер, Анатолий Октавович (род. 1830 г.) сделал в России блестящую карьеру как главно-уполномоченный демидовских заводов на Урале⁴⁹.

Что касается остальных детей Элизабет-Аделаиды, то главным источником наших сведений о них служит ее книга. В том, что та вполне может использоваться в таком качестве, я убедился, проверив по архивным документам сведения, сообщенные о главном герое в рассказе «Корзина яблок». Там повествуется о мальчике Леоне, который, будучи отправлен отцом из Парижа в сельскую местность к родным на воспитание, учился преодолевать страх, ночуя один в большом сарае. Затем писательница кратко сообщает историю его дальнейшей жизни:

Леон добился больших успехов в учебе. Он подавал товарищам пример в поведении и прилежании. В Политехнической школе он стал одним из лучших учеников. Артиллерийский офицер, он был отмечен начальством и в 23 года награжден Орденом Почетного легиона. Но это отличие не защитило его от жатвы смерти. 18 октября 1813 г. в сражении под Лейпцигом он получил ранение, от которого затем скончался, оставив двух младших братьев, лишившихся в его лице второго отца. <...> О путешественник, который прочтет эти строки, кто бы ты ни был, в двух лье от Франкфурта по дороге в Лейпциг найди могильный холмик и пролей над ним несколько слез в память о двух французских офицерах, раненных в одном сражении и упокоившихся в одной могиле:

Леон Жонес, капитан 11-й роты артиллерии Молодой гвардии
Мерль, первый лейтенант той же роты⁵⁰.

Кто такой Леон Жонес, реальный человек или вымышленный литературный персонаж? И если реальный человек, то не о сыне ли нашей героини идет речь? В поиске ответа на эти вопросы я отправился по содержащейся в тексте подсказке на Интернет-сайт Политехнической школы и там достаточно быстро нашел сканированное изображение матрикулы выпускников 1804 г., в которой увидел знакомое имя:

Жонес, Леон. Родился 18 апреля 1787 г. в Сьерке (Sierck), округ Трионвиль, департамент Мозель. Живет на улице Сент-Оноре, 84, напротив улицы Сурдьер. Внешность: светло-русые волосы и брови, низкий лоб, курносый нос, карие глаза, небольшой рот, круглый подбородок с ямочкой, овальное лицо, рост 1,74 м. Особых примет не имеет. Отец – г-н Жонес-Спонвиль, негодник в Париже, проживает по адресу ул. Сент-Оноре, 84. <...> Принят на службу в артиллерию⁵¹.

Так, взяв за исходную точку сведения из рассказа нашей героини-

⁴⁹ Данилова О.С. Указ. соч. С. 184.

⁵⁰ Jaumez-Sponville A. Op. cit. P. 104–105.

⁵¹ http://bibli.polytechnique.fr/exlibris/aleph/a18_1/apache_media/9R5MGHIFBVPXS4N-SRA8L4JUYUECEKV.tif

ни, удалось не только «обнаружить» еще одного из ее сыновей, но и получить документальное подтверждение того, что он, действительно, закончил престижную Политехническую школу, после чего служил в артиллерии. Проявленная здесь автором точность в деталях побуждает со значительной долей доверия отнестись и к тому, что сообщается ею в других лирических отступлениях. Внимательное же их прочтение наводит на мысль, что Леон был отнюдь не единственным членом семьи Жонес-Спонвилей, заплатившим «долг родине» свою жизнь.

Если большинство детей, упомянутых в книге Элизабет-Аделаиды, являются там героями одного, редко двух рассказов, то Феликс появляется сразу в четырех: «Коза или братская любовь», «Персик», «Доброе дело не бывает напрасным» и «Глас совести». Поскольку в «Добром деле» он прямо назван одним из «трех детей мадам С***» (очевидно, Спонвиль), а в двух первых из перечисленных рассказов сообщается, что он старший брат Секстиль, это дает веские основания предположить, что речь идет еще об одном сыне писательницы. Тем более что дважды в завершение рассказа о нем, она делает лирическое отступление от основного сюжета, повествуя о дальнейшей судьбе Феликса. Сначала Элизабет-Аделаида в довольно абстрактных выражениях дает понять, что Феликс погиб при исполнении воинского долга.

Коза или братская любовь

<...> Эти милые дети [Феликс и Секстиль] искренне любили друг друга. Если одного наказывали, то вторая старалась потихоньку его утешить. С годами столь нежная дружба только крепла. Но вот Феликс достиг возраста, когда родина призывает к себе своих детей. Он попрощался с любимой сестрой и ушел навеки⁵².

Однако затем о гибели Феликса сообщается подробно:

Персик

<...> Эти дети с неизменной теплотой любили друг друга, и Секстиль своею нежностью смогла мало-помалу смягчить порывистый характер брата. Феликс составлял счастье семьи, пока, призванный под ружье, не пал на берегах Березины. Проявив самоотверженность, он заплатил жизнью за спасение больных из доверенного ему госпиталя. Оправившись от болезни, один из них при отступлении французской армии случайно остановился на постой в доме матери этого добродетельного юноши, о котором рассказывал с исключительной теплотой, такую любовь тот сумел к себе внушить. Столь замечательные способности заслуживали лучшей участи. Воспоминание о нем до сих пор вызывает слезы на глазах, а его сестра никак не может смириться с потерей⁵³.

Судя по описанным в рассказах отношениям между Феликсом и Секстилем, брат был где-то года на два-три старше сестры, и, если

⁵² *Jaunez-Sponville A.* Op. cit. P. 18.

⁵³ *Ibid.* P. 27-28.

речь, действительно, идет о сыне Жонес-Спонвилей, то он должен был родиться примерно в 1791-1792 гг. В таком случае, прожить ему довелось немногим более двадцати лет.

Мелида, героиня рассказа «Могила на чужбине», оплакивает двух погибших на войне сыновей. Упоминание о том, что город, в котором она живет, за год с небольшим подвергся двум вражеским осадам, а также о находящейся возле него горе Сен-Кантен, показывает, что речь идет о Меце, осажденном неприятелем в 1814 и 1815 гг. Между тем, семья Жонес-Спонвилей в тот период жила именно в Меце, о чем будет сказано ниже. Эта топографическая привязка наводит на мысль, что в образе Мелиды Элизабет-Аделаида представила себя:

Могила на чужбине

Куда несешься ты, самонадеянный юноша? Какой такой твой личный враг заставляет тебя шпорить скакуна? Золоченая сбруя коня, пышный султан на твоей каске выдают нашим солдатам старшего офицера осаждающей их армии. Весь крепостной вал долгим взглядом провожает тебя. Ты спустился с горы Сен-Кантен и теперь хорошо различим на равнине. Оружие, коим ты столь изящно владеешь, твой уверенный вид – ничто не остановит занесенную над тобой косу смерти. Вот ты уже в пределах досягаемости передовой батареи, канонир наводит орудие, выстрел и тебя больше нет! За уханьем пушки следует крик радости, который, удаляясь, катится вдоль крепостного вала. Мелида, печальная Мелида, слышит его, и этот крик усиливает ее грусть. Она оплакивает двух сыновей, ушедших из жизни во цвете юности. Оба пали на поле брани.

– Бедная мать, – говорит она про себя, – теперь и тебе придется лить слезы.

И ее скорбь удваивается, а сердце наполняется печалью. <...>⁵⁴

Итак, нам, очевидно, удалось установить личности пяти детей нашей героини:

Мари-Катрин (1785 – после 1880)

Леон (18.4.1787 – октябрь 1813)

Феликс (1791/92 – ноябрь 1812)

Маргерит Секстиль (25.2.1794 – 18.10.1880)

Оклав (10.2.1800 – 10.1.1875).

Принимая во внимание частоту родов (а здесь мы не учли еще, как минимум, трех детей Жонес-Спонвилей) и небольшие интервалы между ними, нельзя не признать маловероятным то, что бывшая мадемуазель Матис, как предполагают авторы словаря «Французы в России века Просвещения», около 1790 г. вновь вернулась в Москву, а в 1793 г. находилась в Петербурге, где, наряду с остальными соотече-

⁵⁴ Ibid. P. 204–205.

ственниками, принесла присягу верности французской короне⁵⁵. Трудно представить себе, чтобы обремененная таким количеством детей и столь часто рожавшая замужняя дама отправилась в далекое и трудное путешествие без настоящей необходимости и, тем более, без мужа. Между тем, нахождение Пьера-Игнаса во Франции подтверждается для этого периода документально: в 1790 г. его присутствие в Париже зафиксировано протоколами политического клуба «Общество друзей закона», в котором он состоял⁵⁶, а в 1793 г. его подвергли аресту по приказу Комитета общественного спасения. Вероятно, авторы словаря спутали Элизабет-Аделаиду с кем-то из ее сестер, ведь каждая из них тоже была мадемуазель Матис.

Книга

После смерти мужа жизненный путь нашей героини не прослеживается даже пунктиром – ничего, кроме обрывочных и косвенных сведений, да построенных на них наших осторожных предположений.

Овдовев, она похоже, первое время пыталась заниматься коммерцией, возможно, продолжая дело супруга. Однако, если верить фразе, оброненной в ранее упомянутом рассказе «Первый урок письма», эта коммерция очень скоро (Октаву исполнилось шесть через год после смерти отца) оказалась «не слишком прибыльной».

Затем Жонес-Спонвили, судя по всему, переехали в Мец, где жила многочисленная родня покойного Пьера-Игнаса. Ведь именно в Меце Маргерит Секстиль вышла в 1816 г. замуж за местного жителя. Да и в рассказе «Корзина яблок» сообщается, что «верный Жан, слуга Леона, передал матери его вещи и через несколько дней стал жертвой бушевавшей в Меце эпидемии»⁵⁷. Этим переездом, кстати, объясняется и то, каким образом один из солдат отступавшей Великой армии, мог встать на постой в их доме и рассказать матери Феликса о его смерти: отступление армии происходило через Мец, а не через Париж.

Писать рассказы Элизабет-Аделаида начала еще до 1813 г. – именно в тот год была завершена или, скорее, оборвана первая часть книги. Гибель сыновей повергла мать в глубокое отчаяние и вынудила оставить литературные опыты. Об этом говорится в концовке рассказа «Корзина яблок» после описания обстоятельств смерти Леона:

О вы, кому я заранее посвятила мои труды, дети моего сына, вы никогда не появитесь на свет. Перо выпадает из моих рук; я могу теперь только лить слезы⁵⁸.

⁵⁵ Les Français en Russie. Т. 2. Р. 586.

⁵⁶ См.: *Galante Garrone* A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire (1750–1795). P., 1971. P. 449–478.

⁵⁷ *Jaunez-Sponville* A. Op. cit. P. 106–107.

⁵⁸ Ibid. P. 107.

Эти пронзительные строки завершают первую часть книги. Вновь к литературному труду нашу героиню побудило вернуться рождение внучки Евгении:

Именно тебе, моя дорогая, маленькая Евгения, я посвящаю свои труды. С твоим рождением мое сердце вновь ожило, но поселившийся в нем смутный страх заставляет особенно дорожить тобой. Твои братья пришли в этот мир подобно первоцвету и, как он, оставили после себя на земле лишь светлую и нежную грусть. Они прожили только сезон. Твое появление на свет принесло нам утешение. С какой тревогой мы прожили твой первый год! Но скоро уже наступит твоя третья весна. Твой серебристый голосок зовет бабушку, твои ручки обнимают ее. Ради тебя я вновь ожила. Пусть Провидение хранит тебя на счастье твоим родным⁵⁹.

Три года Евгении исполнилось в 1823 г., тогда, вероятно, Элизабет-Аделаида и вернулась к книге. Работа у нее, очевидно, шла быстро, и уже в 1824 г. книга увидела свет.

Этот сборник рассказов остался единственным произведением Элизабет-Аделаиды и, как уже отмечалось, не стал заметным событием в истории французской литературы. Однако сегодня благодаря ему мы можем узнать о взглядах на жизнь одной этой представительницы общества французских гувернеров в России, попытаться реконструировать, пусть и в самых общих чертах, ее систему мировоззренческих ценностей. Разумеется, нельзя ставить знак равенства между тем, что нашло отражение в книге мадам Жонес-Спонвиль, и тем, чему мадемуазель Матис когда-то учила юную княжну Шаховскую. Одно от другого отделяет сорок лет, за которые жизнь нашей героини вместила очень многое: революции, войны, любовь, радость материнства, горечь потерь близких людей – и этот опыт, конечно же, не мог не сказаться на ее мировосприятии. Тем не менее, тот идейный закал, та система ценностей, которую человек приобретает в юные годы – годы своего становления как личности, когда он наиболее восприимчив и открыт миру, остается с ним на всю жизнь, неизбежно накладывая отпечаток на его последующие воззрения. Тщательный ретроспективный анализ обычно позволяет разглядеть хотя бы приблизительно этот изначальный закал под напластованиями последующего опыта. В книге же нашей же героини исходная система ее жизненных ценностей просматривается, на мой взгляд, достаточно четко. Если бы не отдельные нюансы – черточки нового времени (например, человек эпохи Старого порядка, чьи дети несли военную службу, вряд ли сказал бы, что их туда «позвала родина»), книга Элизабет-Аделаиды вполне гармонич-

⁵⁹ Ibid. P. 109–110.

но смотрелась бы в общем ряду литературы века Просвещения – века, в культурном контексте которого происходило духовное становление будущей писательницы.

Человек эпохи Просвещения, Элизабет-Аделаида исповедовала культ знаний. Уже по приведенным выше отрывкам из ее рассказов можно заметить, какое значение она придавала освоению детьми наук: прилежание в учебе – неперемнное качество ее положительных героев. Рассказ «Лентяй» об отрицательном герое, не желавшем в молодости прилагать усилия для усвоения новых знаний, а, в результате, потерявшем жизненный крах, завершается соответствующей моралью:

Время для учебы ограничено; если его потерять, потом ничего не наверстаешь, какие бы усилия ни прилагал. Нерадивость в этом влечет за собой бессилие, и потом придется всю жизнь жалеть о потерянном времени⁶⁰.

Важная черта просветительского мировоззрения – нетерпимость к суевериям. Человек религиозный, судя по частым упоминаниям Провидения, Элизабет-Аделаида, тем не менее, резко критически отзывалась о бытовых суевериях, которыми пользуются шарлатаны, чтобы в корыстных целях дурачить простаков. Один случай такого обмана она описывает в рассказе «Деревенский предсказатель», завершая его следующим предостережением для юных читателей:

Провидение в своей мудрости скрывает грядущее от человека; будем же соблюдать его волю; с мужеством станем встречать жизненные невзгоды; победим неудачи усердием и добьемся счастья, противопоставив бедам безупречную жизнь и чистую совесть. Но никогда не станем пытаться узнать грядущее при помощи тех средств, которые разум осуждает и которые делают нас добычей шарлатанов⁶¹.

Однако особенно много внимания автор уделяет в своей книге проблеме социального и, в частности, имущественного неравенства. Правда, никаких радикальных рецептов Элизабет-Аделаида не предлагает. Побывав за годы своей долгой жизни на разных ступенях общественной иерархии, познав и достаток, и бедность, она считает: надо всегда оставаться человеком, куда бы тебя ни забросила судьба, с достоинством встречать ее капризы и сохранять человеколюбие в любой ситуации. Впрочем, хотя книга предназначалась юным читателям из всех социальных слоев, «уроки» для богатых в ней явно преобладают. Возможно, это – отзвук тех времен, когда наша героиня и ее будущий

⁶⁰ *Jaumez-Sponville* A. Op. cit. P. 153.

⁶¹ *Ibid.* P. 131-132.

супруг непосредственно давали наставления детям богатейших аристократических фамилий России.

В качестве примера того, чему пыталась научить мадам Жонес-Спонвиль отпрысков сильных мира сего, процитирую фрагмент рассказа «Выезд на охоту» об одном из ее любимых персонажей лотарингском герцоге Леопольде. Как-то раз герцог услышал, что его юная дочь жалуется камеристке: «Мне надоели эти попрошайки под окнами. Почему бы им не уйти есть свой хлеб с сыром!?!». Леопольд пригласил дочку на охоту. Подученные им егеря весь день возили девушку по лесу, от чего та страшно проголодалась, но ни у кого из сопровождавших не оказалось с собой ни крошки провизии. Добравшись к вечеру до отцовского бивуака, голодная принцесса сразу попросила покушать.

– Почему бы вам не поесть хлеба с сыром, – сказал ей герцог сурово.

– У меня их нет, – ответила она.

– Дочь моя, если бы тот бедняк, которого вы порицали, их имел, он не просил бы еды!

Принцесса вспомнила свои слова и бросилась в ноги отцу. Он со свойственной ему добротой поднял ее:

– Пусть это послужит вам уроком, – молвил он. – Провидение поставило нас над другими людьми только для того, чтобы мы сделали их счастливыми и избавили от нищеты.

Хорошо известно, насколько сам герцог следовал этому правилу. Добрая память о нем до сих пор жива в Лотарингии (ныне – департамент Мёрт). Принцесса же вышла замуж за герцога Савойи, и в той стране тоже помнят о ее благодеяниях⁶².

* * *

Элизабет-Аделаида Жонес-Спонвиль скончалась примерно в 1851 г.⁶³, прожив без малого 90 лет. О последнем периоде ее долгой жизни мне ничего не известно. Надеюсь только, что и перед кончиной у нее были все основания повторить слова, некогда обращенные к внучке:

Однажды ты спросишь, где бабушка. Ответом тебе станет безмолвие могилы. Но прежде, чем туда сойти, я помолюсь Господу за свою маленькую Евгению. Последним моим желанием будет, чтобы она ходила на своих родителей и одарила их такой же дружбой и заботой, какими они одарили меня в старости⁶⁴.

⁶² *Jaumez-Sponville A.* Op. cit. P. 100–101.

⁶³ *Rash C. de.* [Read Ch.] Op. cit. P. XI.

⁶⁴ *Jaumez-Sponville A.* Op. cit. P. 110.